

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

КРИМИНАЛИСТИКА КАК ИНИЦИАТОР ОБНОВЛЕНИЯ ПАРАДИГМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК И УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН С УЧЕТОМ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Гармаев Ю.П.

Аннотация: Автор статьи доказывает, что криминалистика как прикладная наука может выступить инициатором изменения или уточнения парадигмы всех юридических наук и учебных дисциплин. Действующая парадигма презюмирует, что в уголовном судопроизводстве господствует так называемая «объективная» правовая позиция и потому подавляющее большинство научных, учебных и прочих публикаций содержат рекомендации по типу: «Лицо совершило то-то, его действия по закону оцениваются так-то, а не иначе, что можно доказать с помощью таких-то тактических приемов, технических средств и в таком-то порядке...». Но какое бы решение не принял практический работник, он сделает это не просто как некий абстрактный субъект применения права, а в точности выполняя отведенную ему роль, в основе которой всегда лежит строго определенный корпоративный и/или состязательный интерес. *Методология:* диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, сравнительно-правовой формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований. Обновленная парадигма ориентирована на принцип состязательности уголовного процесса в России и странах Европейского союза, а потому обращает внимание на широкую распространенность в практике, в мыслительной деятельности криминалистов еще трех, основанных на законе, правовых позиций: обвинительной и защитительной позиций, а также позиции судьи. Например, позиция следователя (позиция обвинения) и особенности его мышления: «Есть ли у меня законные основания с учетом фактов, которые я считаю установленными (подлежащими установлению), сделать вывод о квалификации преступлений и их доказывании «по максимально строгому варианту»? Какие места в моей позиции особо уязвимы? Изменится ли позиция суда, если атака стороны защиты против моей позиции будет удачной?». При этом речь

идет о криминалистическом мышлении в рамках законной правовой позиции, а не о противоправном «обвинительном уклоне». Предлагается пересмотреть традиционные подходы в научной криминалистической деятельности и дидактике, в том числе, в методологии и методике подготовки учебных и практических пособий. Предлагаемое обновление парадигмы позволит криминалистике обеспечить себе особый междисциплинарный статус в ряду юридических наук и учебных дисциплин, повысить ее прикладное значение и привлекательность ее «продукции» для обучающихся и правоприменителей.

Ключевые слова: Криминалистика, Инициатор, парадигма, состязательность, преступление, расследование, предотвращение, судопроизводство, экспертиза, обвинение.

Вряд ли у кого-то возникнут сомнения в справедливости тезиса о том, что на сегодняшний день криминалистика уже давно вышла за пределы только «полицейской науки» или «науки о расследовании преступлений» [1]. Средства, приемы и методы криминалистики успешно используются в иных сферах (оперативно-розыскной, судебной, прокурорской, экспертной, адвокатской деятельности) либо позволяют устанавливать факты, лежащие вне уголовно-правовых явлений (использование криминалистических знаний в гражданском, арбитражном (хозяйственном) или административном процессах)[2].

Отмеченные тенденции позволили ученым-криминалистам закономерным образом констатировать особый междисциплинарный статус криминалистики в ряду юридических наук и учебных дисциплин[3]. Думается, что в результате бурного развития целого ряда фундаментальных и прикладных наук, принципиальных изменений в механизмах общественных отношений, средств и способов правоприменительной деятельности, деятельности теоретической и образовательной, ломки устаревших представлений и появлени-

ем новых категорий, методик, можно и нужно говорить о неизбежной смене парадигм в юридических науках[4] и юридическом образовании.

Однако, как верно заметил Л. Я. Драпкин, принятие новой методологической концепции (парадигмы) происходит главным образом потому, что она более адекватно отражает реальность[5]. Возникает закономерный вопрос: при всех своих заслугах, достижениях и, что немаловажно – отмеченных выше перспективах, адекватно ли криминалистика в нынешнем ее состоянии отражает реальность, то есть предлагает ли адекватные «специальные средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений»[6]? Думается, что дать такую оценку можно, исходя из целого ряда параметров. Однако если для начала взять в целом качество подготовки юристов, например, в России, то картина представляется нерадостной.

Уже многие годы весьма критическое внимание широких слоев российской общественности, да и самих юристов, обращено к проблеме невысокого качества профессиональной подготовки следователей, дознавателей, оперативных сотрудников органов – субъектов

оперативно-розыскной деятельности, адвокатов и других правоприменителей в области уголовного судопроизводства, да и не только. Критика и самокритика нарастает и в самом сообществе, как в вузовском, так и в научном. Так, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина В. В. Блажеев в интервью на страницах «Российской газеты» вынужден был признать: «... как мне кажется, мы всегда готовили юриста не для практики, а в известной степени для науки», и далее отметил: «...И вот осознав эту проблему, мы на определенном этапе перешли или, во всяком случае, сейчас переходим к специализации по определенным направлениям практической деятельности. Для этого был создан Институт прокуратуры, сейчас создан Институт адвокатуры...»[7].

Выглядит вполне уместной гипотеза о том, что криминалистика как самая прикладная из юридических наук, и криминалисты – преподаватели и ученые, могли и должны были бы взять на себя груз ответственности, составив инновационный потенциал юридического образования, обеспечивая широкое, междисциплинарное внедрение *обновленных парадигм максимального приближения к нуждам практики разработок не только своей науки, но и всех юридических дисциплин антикриминального цикла (курсив мой – автор)*. Однако мы вполне солидарны с мнением В. Ю. Шепитько, сказавшем: «... где взять специалиста, знающего и теорию криминалистики и практику борьбы с преступностью.... Причем, презюмируется, что специалист в области криминалистики знает уголовное право, процесс,

судопроизводство на высоком уровне, с учетом изменений в действующем законодательстве... имеет познания в сфере естественно-технических наук и судебных экспертиз»[8].

Между тем, обслуживаемый криминалистикой современный публично-соствязательный уголовный процесс (а тем более процесс гражданский, арбитражный, административный), не только в России, но и в других европейских странах, представляет сторонам зачастую равенство не только формальное, но и функциональное. Сторона защиты в уголовном процессе, стороны в иных видах судопроизводства приобрели и продолжают приобретать множество активно применяемых ими прав и полномочий.

Однако само по себе провозглашение принципа состязательности, его обеспечение рядом уголовно-процессуальных и иных норм вряд ли дадут надлежащий результат, если это не будет сопровождаться синхронным развитием научных и, что особенно важно – дидактических средств, направленных на повышение эффективности процесса обучения будущих и переподготовки, повышения квалификации действующих правоприменителей в условиях состязательности. И здесь закономерным образом встает вопрос: а готовы ли профессионально и идеологически практикующие юристы, а так же их растущая молодая смена к надлежащему усвоению принципа и практики состязательности?

В этой связи имеет смысл подвергнуть анализу некоторые фундаментальные по своему характеру научные и дидактические проблемы, лежащие в основе ситуации, сложившейся в правоприменительной практике и образова-

тельной деятельности. Укоренившаяся за многие десятилетия парадигма советского, а затем и российского юридического образования и юридической науки такова, что все мы – бывшие и нынешние студенты-юристы, изучая в институтах и университетах дисциплины, в том числе антикриминального цикла, привыкли давать правовую и иную оценку тем или иным обстоятельствам, исходя из некой *объективной* позиции, которую можно выразить в тезисе: «Человек совершил то-то, его действия по закону квалифицируются так-то, а не иначе, что можно доказать тем-то и в таком-то порядке, с помощью таких-то средств и методов...».

Быть может, именно криминалистика как наука и учебная дисциплина, априори предполагающая стремление к установлению истины как к главному нравственному ориентиру, в этом отношении не отклоняется, а как бы развивает «парадигму объективной позиции». С одной стороны, и эту точку зрения следует признать доминантной, интерес криминалистики к преступлению, преступнику и его защитнику обусловлен стремлением создать научные средства, способствующие в конечном счете познанию истины в уголовном судопроизводстве[9]. Криминалисты-практики, как и ученые, преподаватели, в большинстве своем предпринимают активные, инициативные усилия для познания этой истины. Существующие, особенно в уголовно-процессуальной науке, мнения, отрицающие возможность установления истины в судопроизводстве, обоснованно критикуются криминалистическим научным сообществом: «Истина в уголовном процессе не

может быть вероятностной или ограничиваться видом или субъектом деятельности...»[10]. Криминалисты-практики по этому поводу, как правило, просто недоуменно разводят руками: «О чем речь?! Истина есть истина! Она всегда одна по конкретному делу».

Эта устоявшаяся точка зрения дала повод некоторым российским ученым – представителям того же сообщества, сделать критический вывод о «монопольности» традиционной криминалистики, основанной на «консерватизме как ученых-криминалистов, так и практиков, считающих криминалистику исключительно своим «оружием», направленным против подозреваемых, обвиняемых и их профессиональных защитников[11]. Соответственно ряд авторов (Л. А. Зашляпин, М. О. Баев, О. Я. Баев, Г. А. Зорин и др.) высказались в том смысле, что криминалистические средства и методы должны быть классифицированы на предназначенные для оптимизации уголовного преследования и, напротив, – для оптимизации профессиональной защиты от уголовного преследования. «Состязательность сама по себе предполагает противоборствование, противодействие состязющихся сторон в реализации каждой из них своей уголовно-процессуальной функции»[12]. То есть можно говорить о становлении и тенденциях развития так называемой «криминалистики защиты»[13].

Итак, криминалистика в основном исходит из объективных позиций, необходимости установления истины в своей теории и в прикладных рекомендациях, часто позиционируется в пользу интересов стороны обвинения, прежде всего, следователя, однако в последние деся-

тилетия отдельные авторы и научные школы разрабатывают и внедряют рекомендации для судей, государственных обвинителей, адвокатов-защитников[14].

Однако ныне криминалистика по популярности у действующих и будущих правоприменителей России и других стран Европы чаще всего уступает уголовному праву и уголовному процессу. А в них так называемые *объективные* позиции, то есть традиционная парадигма, главенствуют безоговорочно, создавая тем самым труднопреодолимые стереотипы правосознания и далее – правоприменения.

Так рождается и развивается «объективно-ориентированный» правоприменитель. И вряд ли кто посмеет утверждать, что это само по себе плохо... Однако, покидая стены альма-матер, бывший студент попадает в систему реального, притом состязательного уголовного процесса[15]. Здесь он с удивлением обнаруживает, что обозначенная объективная позиция в практике встречается довольно редко. Уголовный, уголовно-процессуальный закон России, законодательство об оперативно-розыскной деятельности и иных отраслях права, криминалистические рекомендации дают возможность правоприменителю в сходных ситуациях в рамках одних и тех же правовых норм принимать правомерные, при этом различные, порой противоположные по характеру и последствиям, правовые и тактические решения. Но какое бы решение не принял практический работник, он сделает это не просто как некий абстрактный субъект применения права, а в точности выполняя отведенную ему роль, в основе которой всегда лежит строго

определенный корпоративный и/или состязательный интерес.

Итак, академический подход – действующая парадигма юридической науки и образования чаще всего ограничивается проблемами однозначной интерпретации закона, правил квалификации, собирания, проверки и оценки доказательств. Суть же нашего предложения сводится не к низвержению, а к модернизации указанной парадигмы «объективной позиции» с точки зрения состязательности. Суть модернизации – в научно-дидактическом обеспечении мысленного (плюс документального) моделирования сначала той самой объективной позиции, затем позиции каждой из сторон, плюс позиции суда.

Предлагаемое никак не противоречит судебной этике, идеологии достижения истины в процессе, а значит нравственным началам криминалистики. Моделирование различных позиций, в частности, позиции стороны защиты, только повысит эффективность решения задач уголовного судопроизводства.

Как бы субъективно трудно и непривычно это не казалось, но все же есть убеждение, что как ученому и педагогу, так и практикующему юристу, обучаемому, будь то реальное дело или учеба, следует разделять свою мыслительную деятельность на четыре или, как минимум, на три позиции: объективную, обвинительную и защитительную (адвокатскую), а при необходимости уметь отстаивать каждую из них, прогнозируя, как результат, позицию суда.

Далее, сформировав соответствующую позицию по конкретному делу на конкретный момент расследования (судебного разбирательства), необходимо

определить реальную, то есть вполне достижимую в заданной криминалистической ситуации цель – планируемый результат деятельности (стороны обвинения или защиты). Исходя из этого, можно рассматривать те или иные преимущества, которые может получить каждая из сторон в результате выбора той или иной цели (планируемого результата).

2. Типы правовых позиций и интересы сторон в состязательном процессе

Попробуем проанализировать, какие правовые позиции (интересы) реально встречаются в практике уголовно-процессуальной деятельности.

1). Объективная (нейтральная, теоретическая) позиция. Используется неким независимым юристом, никак не заинтересованным в исходе дела, не испытывающим влияния ведомственных и субъективных интересов, профессиональных деформаций. Примерами такого подхода могут служить: позиция Европейского Суда по правам человека, выраженная в постановлениях и иных актах; мнение Конституционного суда Российской Федерации, а также, например, мнение ученого – автора монографии; преподавателя на занятиях по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике. Повторимся – такая оценка «в природе», т.е. в конкретном правоприменении, встречается не так уж часто.

2). Позиция суда. Правовую позицию суда по конкретному делу многие хотели бы назвать объективной. Однако это опять же не всегда соответствует

действительности. Например, судья по уголовным делам в России не может выйти за пределы предъявленного обвинения[16] (часть 1 статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[17] (далее – УПК РФ). Независимость суда в любой цивилизованной стране предполагает отсутствие у него интереса в исходе дела. Суд никогда не проигрывает и не выигрывает: он над спором, но вне спора его не существует. Отсюда же вытекает, что суд объективен *относительно лишь позиций сторон*. Стороны своим выбором связывают суд по вопросам факта и права прямо (запрет на выход за пределы обвинения) или косвенно (предложение суду оправдать и (или) смягчить наказание). Делая свой выбор, судья учитывает известную ему апелляционную, кассационную практику, взвешивает перспективы обжалования приговора сторонами и иные практически значимые обстоятельства.

Не углубляясь в анализ проблемы, хорошо понятной и ученым, и практическим работникам, сделаем лишь один вывод – в определенном смысле не так уж объективен судья, рассматривающий любое уголовное дело. Полная, например, «преподавательская», объективность по делу ему далеко не всегда доступна: он – часть системы и действует в конкретной ситуации.

3). Позиция обвинения и ее интересы. Разумеется, такая позиция присуща представителям стороны обвинения. Известным ее преимуществом является монополия на начало уголовного преследования. Как следствие, если суд скован сторонами процесса, то обвинение в самом начале пути зависит лишь от наличных у него ресурсов, умения конкретного

правоприменителя их использовать и фактов, ему известных. Именно сторона обвинения имеет возможность выбирать предмет доказывания и квалификацию деяния, в пределах которых защите и суду ещё лишь предстоит действовать. Именно сторона обвинения имеет максимальную возможность занять абсолютно объективную позицию, известную каждому её представителю ещё по студенческой скамье или из решений высших судов его государства. Может не так часто как хотелось бы, но все же чаще сторона обвинения эти возможности использует. Хотя этим она не ограничивается.

Прокуроры и следователи любой страны в большей или в меньшей степени вынуждены в пределах требований закона защищать еще и ведомственные интересы, а точнее интересы стороны обвинения, состоящейся в уголовном процессе. Что это за интересы, понять не сложно.

Иерархия типовых интересов (целей) стороны обвинения.

1). Отличный результат. Например, в России, как вероятно и в других развитых странах мира, несомненным успехом стороны обвинения считается направление дела в суд и скорейшее вступление в силу обвинительного приговора. Причем, чем больше объем обвинения (по количеству и степени тяжести вменяемых составов преступлений, количеству эпизодов преступной деятельности), чем строже наказание, особенно если его срок и размер совпал с позицией государственного обвинителя – тем, при прочих равных обстоятельствах, весомее признается успех. Особенно если речь идет об уголовном деле, характеризующимся достаточной

(большой) сложностью[18], с высоким общественным резонансом, активным противодействием уголовному преследованию и т.п. Таковыми зачастую бывают, например, дела о коррупционных преступлениях, неочевидных, «заказных» убийствах, крупных хищениях и т.п.

2). Хороший результат. Таковым признаются те же результаты, что и в предыдущем пункте, но по делам, не представляющим большой сложности, немногочисленным, не характеризующимся активным противодействием. Заметим, что как раз таковыми является большая часть всех расследуемых в каждой стране уголовных дел. Либо речь может идти о сложных делах, описанных в первом пункте, но по которым стороне обвинения не удалось квалифицировать, доказать, а, соответственно, и вменить дополнительные эпизоды/составы преступлений, пришлось пойти на какие-то уступки, на компромисс со стороной защиты.

3). Не очень хороший результат. Оправдание подсудимого в части отдельных эпизодов/составов преступлений, прекращение дела по нереабилитирующему основанию, в том числе, как результат компромиссов и уступок стороне защиты – такие правовые решения по делу, как правило, не признаются удовлетворительным результатом деятельности следователя, прокурора. Но и полным поражением это назвать нельзя.

4). Неудовлетворительный результат. Поражением стороны обвинения считается вступление в законную силу оправдательного приговора суда; прекращение уголовного дела и уголовного преследования по реабилитирующему основанию, особенно если обвиняемый содержался под стражей.

Легко заметить, что стороне обвинения для получения желаемого или допустимого результата («отличного», «хорошего» или хотя бы «не очень хорошего») как правило, *выгодны*, – да, давайте называть вещи своими именами, – именно *выгодны* «особые порядки», то есть по существу «сделки с правосудием». Такие «особые порядки», в частности, предусмотрены главами 40 и 40.1 УПК РФ[19]. Это одни из наиболее простых, знакомых практикам, а потому эффективных средств достижения желаемого для них результата.

Ни в коем случае нельзя путать обвинительную позицию, интересы обвинения с пресловутым негативным явлением, которое в России называют «обвинительным уклоном». Ошибка будет заключаться в подмене понятий. Права И. Б. Михайловская, когда утверждает, что реализация функции обвинения и обвинительный уклон – вещи совершенно различные. Обвинительная позиция – это всегда позиция, основанная на законе, пусть даже использующая его диспозитивность, неопределенность, пробелы, применяющая уступки и идущая на компромиссы со стороной защиты. Она включает и обязанность органа расследования собирать и исследовать все доказательства, опровергающие версию обвинения (часть 2 статьи 14 УПК РФ). Обвинительный же уклон – это игнорирование сведений, свидетельствующих о невиновности либо о меньшей степени ответственности обвиняемого, неадекватная оценка собранных доказательств и т.п. Другими словами, обвинительный уклон является проявлением ненадлежащего выполнения функции обвинения соот-

ветствующими участниками процесса[20].

4). Защитительная (адвокатская) позиция и интересы стороны защиты. Защитительная позиция присуща представителям стороны защиты, прежде всего, адвокату-защитнику и обвиняемому, подозреваемому. Адвокат скован волей доверителя, если только не считает, что последний оговаривает себя. Подзащитный же далеко не всегда заинтересован в установлении истины, всех обстоятельств дела. Но закон в России, как и в Польше, других демократических странах, обязывает адвоката «... честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя, всеми не запрещенными законодательством РФ средствами»[21]. И поэтому адвокат часто отстаивает заведомо для него ложную позицию. Он, как правило, обязан найти и продемонстрировать суду и стороне обвинения все изъяны позиции последней. И если сторона обвинения, преследуя свои интересы, отклонилась от того, что сочли бы правильной, объективной квалификацией (верной оценкой доказательств) ученые или судьи, то именно сторона защиты может занять объективную позицию по квалификации (по оценке допустимости, достаточности доказательств и т.п.). Если же это не так, в том числе, по причине скованности волей доверителя, то в обязанности защиты входит убеждение суда в том, что объективная позиция неверна, несправедлива, незаконна.

Иерархия типовых интересов (целей) стороны защиты.

1). Отличный результат. Несомненным успехом стороны защиты, без-

условно, является полное оправдание подзащитного либо прекращение уголовного дела и уголовного преследования по всем статьям и эпизодам обвинения, причем по реабилитирующему основанию; реабилитация. Общеизвестно, что в России такое случается, мягко говоря, редко.

Как отметил Д. А. Полищук, в среднем ежегодно судами России выносятся 0,8 % оправдательных приговоров от числа вступивших в законную силу. Для сравнения: в дореволюционной России количество таковых составляло 25-30%. Даже военные трибуналы в период Второй мировой войны выносили 7% оправдательных приговоров. В Польше[22] и в других странах Европы в настоящее время число оправдательных приговоров составляет не менее 15-20%[23]. По данным некоторых правозащитников в 2012 году в России процент оправдательных приговоров составлял 0,7%. По тем же данным «...аргументы защиты в 99,3% процессов судьей либо полностью игнорируются, либо – в лучшем случае – приводят к некоторому смягчению наказания, запрошенного прокурором»[24]. При этом, по мнению официального представителя Следственного комитета России В. Маркина «Из всех приговоров по уголовным делам в России лишь 0,4% являются оправдательными»[25]. Данное заявление сделано уже в 2015 году, исходя из чего можно сделать вывод, что процент оправдательных приговоров достиг своего исторического минимума.

Что же касается полного прекращения уголовного дела и уголовного преследования по реабилитирующему основанию на стадии предваритель-

ного расследования, то это в России встречается чаще. Мы не обладаем соответствующей официальной статистикой, но результаты интервьюирования респондентов (адвокатов) показывают, что речь идет о 3-5 % от общего числа уголовных дел. Здесь есть три варианта правовых решений: дело прекращается по соответствующему основанию: 1) органами предварительного расследования до направления в суд, 2) после направления дела судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ, когда судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, 3) самим судом.

Получается, что в действующих процессуальных условиях России стороне защиты, как правило, довольно сложно рассчитывать на «отличный результат» в отстаивании своей позиции, достижении своих состязательных интересов, особенно если дело касается оправдательного приговора.

2). Хороший результат. С учетом указанных выше условий таковым является, например, прекращение уголовного преследования в части отдельных эпизодов / составов преступлений. Но и такое случается не часто. Во всяком случае, значительно реже, чем, например, назначение наказания условно в ситуации, когда подсудимый мог быть осужден к реальному наказанию (как правило, к лишению свободы) или в ситуации, когда он осужден к реальному наказанию, но мягче (по виду, размеру), чем то, которое, как правило, назначается в соответствующих судебных ситуациях.

Несложно догадаться, что с точки зрения интересов стороны защиты рассмотрение дела в рамках вышеупомянутых «особых порядков» (смотрите сноску № 19), то есть сделок с правосудием, с высокой степенью вероятности зачастую (хоть и далеко не всегда) влечет получение «хорошего результата» в заданном здесь контексте.

3). Неудовлетворительный результат. Здесь в зависимости от ситуации по делу таковым может быть признано осуждение лица при полном игнорировании судом и стороной обвинения веских, по мнению защиты, доводов о невинности (меньшей виновности) подсудимого. Например, таким пораже-

нием может считаться обвинительный приговор суда, который полностью совпал с позицией стороны обвинения и по квалификации, и по виду, сроку, размеру наказания, и по иным вопросам.

Как видим, обе стороны в уголовном процессе с позиции своих составительных интересов, хоть не всегда, но зачастую бывают заинтересованы в упомянутых выше «особых порядках». Сторона обвинения – для того, чтобы с большей вероятностью получить «отличный», «хороший» или хотя бы «не очень хороший, но зато не полное оправдание» результат. Сторона защиты – чтобы с большей вероятностью получить «хороший» результат.

Библиография:

1. Гармаев Ю.П., Кириллова А.А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст.105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации (монография+практическое пособие). – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. – 280 с; Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук:12.00.09. – Краснодар, 2008. – 356 с.
2. Шепитько В. Ю. Криминалистика XXI века: предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики. Сб. науч. трудов / Под ред. Н. П. Яблокова и В.Ю. Шепитько. – Х.: «Апостиль», 2012. – С. 43.
3. Ищенко Е. П., Жижина М.В. Современные представления о предмете науки криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: Мат-лы межд. науч. – практ.конф. / под ред. Т. С. Волчецкой. – Калининград: Изд-во БФУ имени И. Канта, 2012. – С. 62.
4. Т. Кун обозначал эти глобальные процессы как научные революции, превознося торжество новых парадигм, приходящих на смену устаревшим. См.: Кун Т. Структуры научных революций. – М.: «Прогресс», 1977. – С. 13-19.
5. Драпкин Л. Я. – Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: Мат-лы межд. науч. – практ.конф. / под ред. Т. С. Волчецкой. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – С. 29.

6. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т.1. М.: Юристъ, 1997. – С. 64-69.
7. «Юристов много не бывает» // Российская газета. – Неделя №4959 (135). 2009. 23 июля. – С. 6.
8. Шепитько В. Ю. Криминалистика XXI века: предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики. Сб. науч. трудов / Под ред. Н. П. Яблокова и В.Ю. Шепитько. – Х.: «Апостиль», 2012. – С. 53.
9. Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики: Проблемы развития на рубеже XX-XXI веков. – СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2004. – С. 33-34.
10. Шепитько В. Ю. Тенденции криминалистики и некоторые новеллы уголовного процесса // Кримінальне провадження: новації процесуальної теорії та криміналістичної практики: матеріали міжнародної наук. – практ. конф., 18-19 квітня 2013 року, м. Сімферополь-Алушта / відпов. Ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко; Таврійський нац. Ун-т імені В. І. Вернадського. – Сімферополь: ДІАЙПІ, 2013. – С. 166. Эту позицию, думается, поддерживают большинство криминалистов.
11. Зашляпин Л. А. Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам: Сб. статей / отв. ред. Л. А. Зашляпин. – Екатеринбург, 2001. – С. 43.
12. Баев О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: научно-практическое пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). – М.: Эксмо, 2009. – С. 8.
13. Баев М. О. Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России (теория и практика). Дис... доктора юрид. наук. – Воронеж. – 2005, и др.
14. Волчецкая Т. С. Перспективы и пути развития современной криминалистики // Современное состояние и развитие криминалистики. Сб. науч. трудов / Под ред. Н. П. Яблокова и В.Ю. Шепитько. – Х.: «Апостиль», 2012. – С. 53 – С. 7.
15. Здесь и далее будем говорить о реалиях уголовного судопроизводства, подразумевая, что подобная ситуация складывается и в иных отраслевых юридических науках и учебных дисциплинах.
16. Однако ситуация изменилась в связи со вступлением в законную силу Постановления Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» (п. 4.1).
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (с изменениями от 30 марта 2016 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. – Загл. с экрана. (дата обращения 01.05.2016).

18. О степени криминалистической сложности уголовного дела см.: Зеленский В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений: монография. – Краснодар: КубГАУ, 2011. – С. 31-34.
19. Глава 40 УПК РФ-Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; Глава 40.1. УПК РФ – Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.
20. Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / И. Михайловская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 4.
21. Пункт 1 части 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с изменениями от 13 июля 2015 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=183241>. – Загл. с экрана. (дата обращения 01.05.2016). Далее – Закон об адвокатуре.
22. Число оправдательных приговоров в Польше постепенно снижается: 2004 г. – 13 тыс., 2014 г. – 9 тыс. приговоров <http://www.rp.pl/artukul/1178745-Reforma-KRK--bedzie-wiecej-wyrokow-uniewinniajacych.html#ap-1>
23. Полищук Д.А. О необходимости совершенствования российского правосудия // Российский судья. – 2013. – № 7. – С. 33-34.
24. «В России процент оправдательных приговоров составляет 0,7%» // Сайт «Росбалт» [Электронный ресурс]: // Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/10/29/1193878.html>-Загл. с экрана. (дата обращения 01.05.2016).
25. «Маркин: в России 0,4% оправдательных приговоров» // Сайт «Русская служба ВВС» [Электронный ресурс]: // Режим доступа:http://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_markin_acquittal_rate_court_russia-Загл. с экрана. (дата обращения 01.05.2015).

References (transliterated):

1. Garmaev Yu.P., Kirillova A.A. Kriminalisticheskaya metodika sudebnogo razbiratel'stva po ugovolnym delam ob ubiistvakh (ch. 1 st.105 UK RF): teoreticheskie osnovy i prikladnye rekomendatsii (monografiya+prakticheskoe posobie). – М.: Izdvo «Yurlitinform», 2014. – 280 s; Korchagin A. Yu. Organizatsionno-takticheskie i metodicheskie osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva ugovolnykh del: dis. ... d-ra yurid. nauk:12.00.09. – Krasnodar, 2008. – 356 s.
2. Shepit'ko V. Yu. Kriminalistika KhKhI veka: predmet poznaniya, zadachi i tendentsii v novykh usloviyakh // Sovremennoe sostoyanie i razvitie kriminalistiki. Sb. nauch. trudov / Pod red. N. P. Yablokova i V.Yu. Shepit'ko. – Kh.: «Apostil'», 2012. – S. 43.
3. Ishchenko E. P., Zhizhina M.V. Sovremennye predstavleniya o predmete nauki kriminalistiki // Situatsionnyi podkhod v yuridicheskoi nauke i pravoprimenitel'noi

- deyatel'nosti: Mat-ly mezhd. nauch. – prakt.konf. / pod red. T. S. Volchetskoi. – Kaliningrad: Izd-vo BFU imeni I. Kanta, 2012. – S. 62.
4. T. Kun oboznachal eti global'nye protsessy kak nauchnye revolyutsii, prevoznosya torzhestvo novykh paradig, prikhodyashchikh na smenu ustarevshim. Sm.: Kun T. Struktury nauchnykh revolyutsii. – M.: «Progress», 1977. – S. 13-19.
 5. Drapkin L. Ya. – Situatsionnyi podkhod – lokal'naya paradigma sovremennoi kriminalistiki // Situatsionnyi podkhod v yuridicheskoi nauke i pravoprimeritel'noi deyatel'nosti: Mat-ly mezhd. nauch. – prakt.konf. / pod red. T. S. Volchetskoi. – Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012. – S. 29.
 6. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki. T.1. M.: Yurist'', 1997. – S. 64-69.
 7. «Yuristov mnogo ne byvaet» // Rossiiskaya gazeta. – Nedelya №4959 (135). 2009. 23 iyulya. – S. 6.
 8. Shepit'ko V. Yu. Kriminalistika KhKhI veka: predmet poznaniya, zadachi i tendentsii v novykh usloviyakh // Sovremennoe sostoyanie i razvitie kriminalistiki. Sb. nauch. trudov / Pod red. N. P. Yablokova i V.Yu. Shepit'ko. – Kh.: «Apostil'', 2012. – S. 53.
 9. Eksarkhopulo A. A. Predmet i sistema kriminalistiki: Problemy razvitiya na rubezhe XX-XXI vekov. – SPb.: Izd. Dom SPbGU, 2004. – S. 33-34.
 10. Shepit'ko V. Yu. Tendentsii kriminalistiki i nekotorye novelly ugolovnogoprotsessa // Kriminal'ne provadzheniya: novatsii protsessual'noi teorii ta kriminalistichnoi praktiki: materiali mizhnarodnoi nauk. – prakt. konf., 18-19 kvitnya 2013 roku, m. Simferopol'-Alushta / vidpov. Red. M. A. Mikhailov, T. V. Omel'chenko; Tavriiskii nats. Un-t imeni V. I. Vernad'kogo. – Simferopol': DIAPI, 2013. – S. 166. Etu pozitsiyu, dumaetsya, podderzhivayut bol'shinstvo kriminalistov.
 11. Zashlyapin L. A. Kriminalistika kak osnova razrabotki teoreticheskikh aspektov professional'noi zashchitel'noi deyatel'nosti // Kriminalisticheskie aspekty professional'noi zashchity po ugovolnym delam: Sb. statei / otv. red. L. A. Zashlyapin. – Ekaterinburg, 2001. – S. 43.
 12. Baev O. Ya. Osnovy metodiki ugovolnogo presledovaniya i professional'noi zashchity ot nego: nauchno-prakticheskoe posobie (na primere ugovolno-protsessual'nogo issledovaniya dolzhnostnykh i sluzhebnykh prestuplenii). – M.: Eksmo, 2009. – S. 8.
 13. Baev M. O. Takticheskie osnovy deyatel'nosti advokata-zashchitnika v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii (teoriya i praktika). Dis... doktora yurid. nauk. – Voronezh. – 2005, i dr.
 14. Volchetskaya T. S. Perspektivy i puti razvitiya sovremennoi kriminalistiki // Sovremennoe sostoyanie i razvitie kriminalistiki. Sb. nauch. trudov / Pod red. N. P. Yablokova i V.Yu. Shepit'ko. – Kh.: «Apostil'', 2012. – S. 53 – S. 7.
 15. Zdes' i dalee budem govorit' o realiyakh ugovolnogo sudoproizvodstva, podrazumevaya, chto podobnaya situatsiya skladyvaetsya i v inykh otraslevykh yuridicheskikh naukakh i uchebnykh distsiplinakh.
 16. Odnako situatsiya izmenilas' v svyazi so vstupleniem v zakonnyuyu silu Postanovleniya Konstitutsionnogo suda RF ot 2 iyulya 2013 g. № 16-P «Po delu o provere konstitutsionnosti polozhenii chasti pervoi stat'i 237 UPK RF v svyazi s zhaloboi

- grazhdanina Respubliki Uzbekistan B. T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda» (p. 4.1).
17. Uголовно-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. N 174-FZ (s izmeneniyami ot 30 marta 2016 g.) [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. – Zagl. s ekrana. (data obrashcheniya 01.05.2016).
 18. O stepeni kriminalisticheskoi slozhnosti uголовnogo dela sm.: Zelenskii V. D. Teoreticheskie voprosy organizatsii rassledovaniya prestuplenii: monografiya. – Krasnodar: KubGAU, 2011. – S. 31-34.
 19. Glava 40 UPK RF-Osobyi poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlenym emu obvineniem; Glava 40.1. UPK RF – Osobyi poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve.
 20. Mikhailovskaya I. Prava lichnosti – novyi prioritet Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii / I. Mikhailovskaya // Rossiiskaya yustitsiya. – 2002. – № 7. – S. 4.
 21. Punkt 1 chasti 1 stat'i 7 Federal'nogo zakona «Ob advokatskoi deyatelnosti i advokature v Rossiiskoi Federatsii» ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ (s izmeneniyami ot 13 iyulya 2015 g.) [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=183241>. – Zagl. s ekrana. (data obrashcheniya 01.05.2016). Dalee – Zakon ob advokature.
 22. Chislo opravdatel'nykh prigovorov v Pol'she postepenno snizhaetsya: 2004g. – 13 tys., 2014 g. – 9 tys. prigovorov <http://www.rp.pl/artukul/1178745-Reforma-KPK-bedzie-wiecej-wyrokow-uniewinniajacych.html#ap-1>
 23. Polishchuk D.A. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya rossiiskogo pravosudiya // Rossiiskii sud'ya. – 2013. – № 7. – S. 33-34.
 24. «V Rossii protsent opravdatel'nykh prigovorov sostavlyayet 0,7%» // Sait «Rosbalt» [Elektronnyi resurs]: // Rezhim dostupa: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/10/29/1193878.html>-Zagl. s ekrana. (data obrashcheniya 01.05.2016).
 25. «Markin: v Rossii 0,4% opravdatel'nykh prigovorov» // Sait «Russkaya sluzhba BBC» [Elektronnyi resurs]: // Rezhim dostupa: http://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_markin_acquittal_rate_court_russia– Zagl. s ekrana. (data obrashcheniya 01.05.2015).